

МИФ И ЕГО

Н.В. Белоножко

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ

Н.В. Белоножко,
кандидат
философских
наук

*Когда погаснет свет рассвета золотого,
Живительная мысль в бессилии замрет,
Дух человеческий тогда мелькает снова
И гибнет в суете томительных забот.
И с ужасом глухим, полна бессилья злого,
Без цели и пути толпа во тьме бредет.*

Александр Лукьянов.

Что собрало воедино души людей, одиноко бредущих по пустыне неведомо куда — сугубо объективная потребность в государстве или же божественное откровение на горе Синай? Кто открыл глаза вечным странникам жизни на новый свет, сияющий вдали, и позвал за собою; кто слепил из таких непохожих и сторонящихся друг друга мятежных душ единое целое — царь или пророк? Нет ответа. Лишь вера поддерживает в своем убеждении человека верующего или безбожника.

И люди шли по беспамятной пустыне, и лишь немногие видели Свет впереди, и звали они за собой в дивный сад, где вечное блаженство. Но многие не верили им, а других одолевали сомнения: «Где вы видите сад, безумцы? Это всего лишь мираж. Никому и никогда не достигнуть тех лучезарных далей». Так говорили они, но даже им порою не давало покоя какое-то тревожное чувство и смутное желание перемен.

Своеобразный Хаос многобожия, вносивший столько многообразия в жизнь язычника, похожую на комедию или трагедию, разыгрываемую на театральных подмостках, превратился в безрадостную пустыню безрадостных догм и обязательных чувств. Хоть и жаждет подспудно человеческая душа хаоса, но и он, в конце концов, утомляет, становится похожим на душное и мрачное подземелье, которое необходимо покинуть и вдохнуть хотя бы глоток свежего воздуха.

Подобно греческим богам, выросшим из Хаоса и воцарившимся на Олимпе, три мировые религии поднялись из хаотически нагроможденных, как песчинки в пустыне, культов и верований.

Люди, смеявшиеся над идеалистами, пошли за ними, когда почувствовали утомительную ненужность надоевших старых идолов, а главное — упоительную возможность обрести иной предмет для обожания и поклонения. Кроме того, предложена понятная и, видимо, истинная карта мира, открыты новые горизонты и указан путь к

ним. Чего же еще желать? Можно шествовать по пустыне жизни, расцвеченной небывалым светом и не заботиться ни о чем.

Как в горьковской «Легенде о Данко», вдохновленные поиском новой жизни идут за пророком, но тяготы и невзгоды пути озлобляют и ожесточают их сердца, смятение и недовольство возрастают, но ... уж виден «дивный новый мир»; и как только он найден и лежит у них под ногами, певец его забыт и ни слова благодарности нет для него. А пламенное сердце, вырванное из груди и освещавшее долгий и трудный путь, выпало из рук и мягко горело, ожидая нового идеалиста и романтика, поднявшего и сохранившего его. Но нет, сердце Данко слишком ярко горит и пока живо — слишком явно высвечивает всю серость и пошлость. Всегда найдется человек с хмурым и тяжелым взглядом, что наступит каблуком на это сердце. Так угасают искры добра и света. Без них жизнь проще и спокойнее. А имя героя можно сохранить и использовать так, как это будет нужно.

Мир не меняется и люди в нем все те же. Великая идея вдохновляет немногих в своей первозданной чистоте и цельности, а до масс доходит в урезанном и упрощенном виде, который не может пробудить ни высоких чувств и стремлений, ни смелых идей и дерзких поступков. Слова героя можно тиражировать, имени его поклоняться, но сама идея умерла. И недаром Великий Инквизитор у Достоевского в «Братьях Карамазовых» говорил Христу, что он и его проповеди не нужны людям, но будут лишь смущать их. Особенно же опасно «Второе Пришествие» для власти предрержащих, которые досконально знают способы держать в повиновении народ, а все неординарное и выходящее им в этом препятствует.

Мир снова стал пустыней, и не заметили люди, как их обманули. Та пустыня, в которой жили мы несколько лет назад, самая безрадостная, беспамятная из всех, что были до нее. Наступает век мещанства. Сейчас более чем когда-либо ощущается потребность в мифе. Общество стремится вновь окунуться в расслабляющие волны океана под названием Новая Мифология, точно так же, как изнеженный благами цивилизации человек, волею судьбы и вопреки собственной воле оказавшийся наедине со стихией природы, мечтает о горячей ванне, тихой комнате, мягкой постели.

Человек не может жить без идеалов и целей, ему надо поклоняться какому-то герою или идее. А тут образовался вакуум, невыносимая пустота. Как не вспомнить слова: «честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой!» Этот сон может быть спасением, ибо нарастает усталость от хаоса, которая может привести к взрыву. Очередной виток спирали, но вираж более опасен, чем раньше. Политические катаклизмы 90-х — тому наглядное подтверждение.

Смутная тоска по былому или будущему единению, некое тревожное и волнующее ощущение существования непостижимого для человека высшего совершенства во все времена было импульсом, побуждающим сделать зримым мир хрустального

совершенства, ниспосланный из мира призрачных явлений. Так появляются легенды о прекрасном золотом веке, об уже минувшем, грядущем или существующем где-то сейчас совершенном и гармоничном мире.

Всматриваясь в окружающий его мир, обеспечивающий жизнь, но в то же самое время таящий постоянную угрозу, человек вспоминал (или сам придумывал) красивые истории и отрешался с их помощью от меркантильных проблем и воспарял над преходящим, приобщаясь к вечному и неизменному. Так достигается ощущение свободы, немислимой в мире вещей и потому так страстно желанной.

Но жить приходится здесь и теперь, а потому стоит подумать о том, как сделать более понятным и приятным свое земное существование. Необходимо ответить на очень сложные вопросы, например: как объяснить противоречия жизни человека и мира в целом, почему мир не гибнет, постоянно изменяясь, распадаясь на составные элементы, а существует в ожесточенном внутреннем единстве? Это один из главных вопросов, волновавших и мучивших людей многие тысячелетия, и найти ответ на них было жизненно необходимо, поскольку не только природа, но и мысль человеческая не терпит пустоты.

Человек не будет человеком, если свои скудные и отрывочные знания о мире не дополнит с помощью воображения до всеобъемлющей целостной картины, ибо и сознание и природа человека целостны по своей сути, и потому понятно человеческое стремление жить в целостном, сконструированном по особым правилам мире, в котором нет неясностей и противоречий, а простые и понятные идеалы указывают направление и помогают ориентироваться во времени и пространстве.

Интуитивное ощущение того, что окружающий мир органически целостен, что все в нем взаимосвязано и взаимообусловлено, что есть нечто, удерживающее мир в неустойчивом, но постоянном равновесии, издревле присуще человеку.

И во все времена находились незаурядные личности, просчитывающие свои и чужие действия, и поступки на несколько порядков вперед. Такие незаурядные личности брали на себя тяжкое бремя сотворения мира мечты. Достаивая разорванную повседневность, наполняя смыслом жизнь окружающих их людей, возвращая им ощущение полноты бытия, прозорливые и сами не оставались в накладе. Проповедуемые доктрины были лишь верхушкой айсберга, истинный их смысл оставался очевидным лишь для их создателей, да и то не в полной мере.

Н. Куделькин

ЛИБЕРАЛЬНАЯ И КОММУНИТАРИСТСКАЯ ПАРАДИГМЫ

Чарльз Тейлор в своей статье «Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами» отмечает, что реальные расхождения между либералами и коммунитаристами существуют, но также имеется определенное пересечение целей, вносящее путаницу в эту полемику, что обусловлено смешением совершенно двух разных типов проблем, которые можно, соответственно, отнести к онтологическим вопросам и к вопросам отстаиваемых позиций. Онтологические вопросы относятся к тому, какие факторы вы хотели бы включить в свое понимание общественной жизни. Вопросы отстаиваемых позиций касаются нравственных принципов или приемлемой политики. Тейлор пишет, что в англоязычном мире существует некоторое семейство теорий либерализма, которые являются весьма популярными, которые он называет «процедурными». Они рассматривают общество, как ассоциацию индивидов, каждый из которых имеет собственное представление о добродетельной и достойной жизни и соответствующий план жизни. Функция общества должна заключаться в максимальном содействии этим жизненным планам согласно некоторому принципу равенства, то есть содействие не должно носить дискриминационного характера. Тейлор задается вопросом, что это значит: должно ли это содействие стремиться к равенству результатов, ресурсов, возможностей, способностей или чего-либо еще. Однако большинство авторов согласны в том, что принцип равенства или отсутствия дискриминации был бы

Н. Куделькин,
магистрант факультета
политологии и социологии
Уральского государственного университета

нарушен, если бы само общество поддерживало ту или иную концепцию добродетельной жизни. Это было бы равнозначно дискриминации, поскольку допущено, что в современном плюралистическом обществе существует широкий спектр воззрений о добродетельной жизни. Любое воззрение, поддержанное обществом в целом, было бы воззрением одной части граждан. В итоге, другие граждане, воззрения которых не пользуются официальным признанием, были бы ущемлены по сравнению с теми, кто придерживается установленных взглядов.

Таким образом, либеральное общество не должно опираться ни на какое конкретное понятие добро-